

Нурислан Ибрагимов

Четыре дождя Игоря Киселева

О книге стихотворений «Под солнцем и ненастьем»

// Рязанская глубинка .- 2000 . - №2 (6). – С. 8-9.

С каждым годом творчество безвременного поэта Игоря Киселева (1933~1981) приобретает все большую известность. Статьей о нем редакция «РГ» открывает новую рубрику «КНИГА У СЕРДЦА» о поэтах трагической судьбы из «глубинки России», чья муза кровно связана с есенинской музой.

... И пусть я ни дома ни выстроил.

Ни трав на земле не взрастил

Лукавую дудочку выстрогал

И песню по свету пустил.

И. Киселев

"ВЕЛИКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ"

Когда встречаешься с творчеством таких разных русских поэтов, как, например, нижегородский Николай Люкин, рязанский Евгений Маркин, кемеровский Игорь Киселев, невольно отмечаешь сходство их судеб. Дело даже не в том, что все они прожили трагическую, сравнительно короткую жизнь, не и их "донкихотстве и романтизме"... Удивляешься превратностям посмертной судьбы и творческого наследия. Две-три сдержанные рецензии в столице, редкие вечера памяти, делающие имя скорее их устроителям, нежели самим поэтам, я — и все... Словно отдали дань — так, на всякий случай — скромному обаянию "поэтов из глубинки". И снова в центр внимания читающей публики, как шайба, "вбрасывается" зачастую дутый авторитет, ложная фигура... Под девизом «искусство должно двигаться вперед» - рекламная шумиха вокруг реанимированных поэтических стилей и направлений прошлого века. Немногим больше повезло тем провинциалам, которые, вырвавшись покорять столицу и едва не погубив себя там, подобно Рубцову, оставили за собой скандальную известность. Зачастую эта "известность" для околопоэтической братии затмевает само творческое наследие поэта: "Ах, Рубцов — это тот, кто зажженные спички бросал в женские налакированные прически!" Причем для таких ценителей — если модный Пригов, то обязательно "Дмитрий Александрович", Рубцов же западнически — "Колька"... А ведь он в русской поэзии давно уже, со "Звезды полей" — Николай Михайлович.

Много чего намешал в своей судьбе «буйный цыган» Евгений Маркин и в той истории с исключением Солженицына из Союза писателей, которую, не секрет теперь, в немалой мере сам себе устроил будущий Нобелевский лауреат, положив начало развалу писательской организации страны, а рязанское отделение выбрав в жертву (там и до сих пор никак не опомнятся, виноватятся все). И в личном житье-бытье ("всем миром" отправляли в ЛТП), и в творчестве безоглядном... На родине своей, на

рязанщине, в касимовском селе Клетино Евгений Федорович почитается: ежегодные "маркинские чтения" там проходят, августовские праздники его поэзии. Все шире и шире, глядишь, и с есенинскими сравниваются. Но вот на собрание сочинений, даже к 60-летнему юбилею, не наскребли по сусекам... Можно сказать, "на сто первый километр" от столицы хороший поэт отодвинут — не знает его Москва...

Александр Иванович Люкин, который, как и все трое упомянутых в статье поэтов, прошел столичную закалку в Литинституте им. Горького и на Высших литературных курсах — не остался в Москве, уехал на родину в г. Горький, написав:

С бездушьем сроду не стерпеться,
Живи хоть в центре, хоть в глуши,
Все сердцем хочется погреться
У чьей-нибудь
Большой души.

Но о его жизни и творчестве мы поговорим отдельно. А сегодня хочется еще раз прикоснуться к памяти "льняного, светоносного поэта" Игоря Михайловича Киселева. Редактор кемеровского издательства, не доживший до пятидесяти лет, Киселев не создавал на себя скандальной моды, даже в стихи СВОИ себя впускал осторожно, не рассекречивал напоказ. Какого был роста, веса, цвета волос — не афишировал. Даже не в личной скромности дело, а просто, как писал, — "во мне давно чужие души ворочаются и поют", "чужие трагедии — песня моя и судьба". Только изредка проговаривался:

Считая годы за плечами,
Дорогам подводя черту,
Я вспомню все твои печали
И все обиды перечту.
Полночные мои дебоши,
Бессонниц долгие часы.
Боюсь, что слишком тяжелой ношей
Всё это ляжет на весы..

Наверно, еще найдутся "биографы", разгласят, сенсации ради, что это за «полночные дебоши» такие... Воистину "быть знаменитым некрасиво..." Но пока — и слава Богу — известность И. Киселева такова, что любители и знатоки поэзии живут и дышат, как воздухом в лесу после дождя, его простыми, чудесными стихами. Придет время, подтянутся, как голуби на зерно, любопытные, ожидающие острых ощущений "читательские массы". Вот уж будет воспоминаний типа: "Идем это мы с Игорьком." Сегодня сибиряки удивляются - как это в соседних регионах не знают Киселева? А рязанцам странно, что Маркин дальше Коломны к Москве не пробился. Книжки Люкина из рук передают — бережно, как котят, - в хорошие руки, по окраинам и глубинкам... Кого же знают тогда! Как ни крути, а чтобы на Россию выйти, Москву при жизни брать надо. В принципе, получается, что за 101-м километром от Садового кольца вся Россия — провинция

белокаменной, и припудренный Санкт-Петербург даже...

Но вот остались от прекрасного русского поэта не бытовые мифы и житейские анекдоты, а шесть сборников чистых, природных, озаренных Божественным светом любви и сострадания стихотворений. Не стихов, а именно "творений" — по форме и содержанию, по мастерству — без швов и касаний, по душевному родительскому благоволению. Попробуем, пусть мы и не первые, проникнуть в "неведомый, тайный мир" поэта через страницы этих драгоценных изданий и проникнуться его "солнцем и ненастьем".

Как-то вроде принято, классифицируя творчество поэта, определять основные отличительные признаки его поэзии — тема, настроение, общественное звучание, стилевые приемы и тому подобные, уводящие от главного, литературоведческие детали. Слово не причаститься хотим, а подглядеть, как устроено, как работает. Разбираем поэтический шедевр — ну и, конечно, ломаем, как дети игрушку.

...Взял ребенок и сломал игрушку:
Посмотреть, что у нее внутри.
Что возьмешь с такого малыша?
Перед ним, зареванным, предстала
Горка бесполезного металла,
Из которой вынута душа..

О другом, конечно, говорил поэт, но ведь слова мастера живут в любом контексте. Кстати, тема мастерства у Киселева — одна из главных поэтических тем. Видимо, его, жившего вдали от литературного Олимпа, все-таки волновала мысль: а не отстает ли он от "столичного уровня", не устарел ли, не оторвался ли от "магистральной линии российской словесности"? Так сельский доктор теряется в присутствии медицинского светила, узкого специалиста, читающего лекции симпатичным студенткам и рьяно оберегающего свою столичную карьеру...

С юных лет, по признанию поэта, ему приходилось постоянно гнаться за своими товарищами по перу, которых у него было много по всей стране. Он следил за публикациями в толстых журналах, гордился успехами друзей-соперников. В этом непрерывном соревновании, "бессонными ночами, пуская в распыл десятки папирос", совершенствовал свое умение кемеровский мастер. И, сравнивая, счастливо констатировал:

Догнал! Таких талантливых
и славных.
Свершилось, значит. Значит, я могу!
Теперь и я, как равный среди равных
В их дружеском,
в их вражеском кругу!

Однако Киселев, даже став мастером, называл свой поэтический язык "сбивчивым", а творчество свое оценивал не глобальными мерками, а нужностью живым людям — и в праздники и в будни:

...Я шел во тьме,

мечтая лишь о том,
Что моя песня лишнею не будет
Ни в горе,
ни за праздничным столом...

И каждый раз — а много ли сегодня можно найти примеров такой суровой требовательности к себе — поэт, встречая чьи-то прекрасные строки, "начинал все сначала", словно боясь "всю жизнь... быть подмастерьем в клане мастеров". Глубокой основой такой преданности делу поэзии было понимание того, что люди "живы сущей правдой", что в одном ряду стоит мастерство "кузнеца, воина и оратая" и что:

В словах — истории ворота
И предков торжество,
В них и отчаянье народа,
И чаянье его...

При этом Игорь Киселев не признавал за мастером снобистского права требовать к себе преувеличенного внимания, быть неким оракулом, "самоценным элементом народной культуры". В стихотворении, посвященном памяти Высоцкого, есть строки:

Говорят, что бился в стену,
Что цены себе не зная
Ну, а если б знал он цену —
Торговаться б, что ли, стал?
И какой-нибудь торговке
На пределе, на краю
Продавал бы по дешевке
Кровь свою и боль свою?

Да, кровь и боль поэта дорого стоят. Особенно поэта из глубины России, не делающего литературную карьеру и живущего не рядом с народом, а вместе с ним, внутри его крови и боли. Пишущего не в расчете эпатировать скучающую по скандалам публику, а отражающего и предвосхищающего и беды народные, и победы:

Пылает край, гремят копыта
И у беды под сапогом
Художник, отрешась от быта,
Твердит божественный глагол.
Не зная, хорошо ли, плохо
То, что задумал, создает.
И за плечом его
Эпоха,
Слегка покашливая, ждет...

Известно, что бездарность пробивается к народу сама, а вот читателю

к таланту приходится пробиваться сквозь запреты, замалчивания, сквозь горы литмакулатуры и расстояния от столичных "тусовок". Новых имен требует от Москвы читающая Россия, как новых гладиаторов окровавленная римская арена. А ведь они, новые поэты — в каждой области — свои, рядом. И лучше их нет у России. При жизни бы им поклониться, руку пожать, внимание уделить. Успокоить их боль, пока кровью не истекли... Чтобы не было потом мучительно стыдно — как теперь, наверняка, вологодцам перед Рубцовым, нижегородцам перед Люкиным, а рязанцам перед Маркиным...

Стихотворение о Владимире Высоцком у Киселева заканчивается словами, которые сегодня можно с полным правом отместить и к нему самому:

Вспоминаю, поминаю —
Струны слышу, вижу сны...
Я цены ему не знаю.
Знаю — нет ему цены.